

Вадим Александрович Виноградов

*Заведующий кафедрой конституционного и международного права
ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор*

E-mail: vinvad@mail.ru

**Конституционная свобода слова
vs защиты чести и достоинства публичных
должностных лиц и политиков**

Аннотация: предметом исследования является соотношение свободы слова и конституционного права на защиту чести и достоинства. В качестве метода исследования, наряду с другими, выбран сравнительно-правовой, т. к. составляющая его совокупность способов и приемов позволяет выявить на основе сравнительного изучения общих и специфических закономерностей сложившиеся тенденции практики применения норм о защите чести, достоинства граждан и деловой репутации в отношении политических деятелей и государственных служащих в случае, когда они становятся объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации. Проведенный анализ практики применения законодательства о защите чести и достоинства публичных должностных лиц в зарубежных странах, решений и постановлений

Европейского суда по правам человека позволяет сделать вывод о том, что практика развитых зарубежных стран в вопросах защиты чести, достоинства и деловой репутации публичных лиц идет по пути значительно больших допустимых пределов их критики и распространения негативной информации о них, чем в отношении обычных граждан. Подобное положение, по мнению автора, продиктовано фундаментальным значением свободы слова и свободы прессы, а также доминированием вопросов, представляющих публичный интерес, над вопросами частной жизни политиков и должностных лиц.

Ключевые слова: свобода слова, защита чести и достоинства, публичные должностные лица и политики, диффамация, Европейский суд по правам человека.

Vadim Alexandrovich Vinogradov

*Chair of the Constitutional and International Law Department,
All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the
Ministry of Justice of Russia), Doctor of Juridical Science, Professor*

Constitutional Freedom of Speech vs Honor and Dignity Protection for Public Officials and Politicians

Annotation: *the subject of the research is correlation between freedom of speech and constitutional right for honor and dignity protection. The author uses the comparative legal method (besides the other ones) of the research because the complexity of its means and functions allow to reveal current tendencies of practical usage of honor and dignity protection standards, and standards of business reputation protection in cases when they fall under public political discussions and criticism in mass media. By means of analyzing practical usage of legislation acts deal with honor and dignity protection of public officials in foreign countries, decisions and rulings of European Court of Human Rights, the author comes to conclusion that developed foreign countries' experience in questions concerning honor protection of public persons has much more broad limits of their criticism and spread of negative information about them than in cases touch ordinary citizens. The author believes that such situation is caused by fundamental significance of freedom of speech and press as well as by prevalence of issues of public interest over issues of politicians' and officials' private life.*

Keywords: *freedom of speech, honor and dignity protection, public officials and politicians, defamation, European Court of Human Rights.*

В настоящее время уже сформирована теоретическая основа, а также довольно обширная практика по делам о защите чести, достоинства граждан и деловой репутации. Применительно к политическим деятелям Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятая 12.02.2004 на 872-м заседании Комитета министров Совета Европы¹, определяет, что политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации за исполнение ими своих обязанностей, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

¹ См.: Совет Европы и Россия : сборник документов. М., 2004. С. 54–55.

Особенностью современного общества является многократно подтверждающийся феномен, получивший название «эффект Стрейзанд»¹, заключающийся в привлечении повышенного внимания к распространенным негативным аспектам биографии публичных лиц и порочащей информации о них вследствие попыток этих лиц привлечь к ответственности распространителей соответствующей информации в судебном порядке. Данный термин получил свое распространение после того, как актриса Барбара Стрейзанд обратилась в суд с иском о возмещении убытков в связи с размещением на сайте в общем доступе фотографии ее дома. Фотография была сделана и размещена, наряду с другими фотографиями домов вдоль побережья, в рамках проекта изучения процессов эрозии. И если до подачи иска данная фотография была скачана только 6 раз, то в течение месяца после подачи иска было уже 420 тысяч просмотров. В качестве примера можно также привести ситуацию, сложившуюся вокруг опубликования содержания дипломатических телеграмм США на веб-сайте WikiLeaks в декабре 2010 г. В связи с этим сайт подвергся DDoS-атакам и блокированию со стороны интернет-провайдеров. Однако эффект был обратным: данная деятельность вызвала всплеск интереса со стороны общества, многие создали зеркала веб-сайта, чтобы затруднить немедленное цензурирование информации и т. д. В результате имиджевые потери публичных лиц от судебных разбирательств, даже в случае их успеха, многократно превышают потери от самой публикации порочащей информации.

Законодательство зарубежных государств повсеместно предусматривает различные виды ответственности за клевету и распространение порочащих сведений, используя общепринятый термин «диффамация». Вместе с тем в отношении политических деятелей законодательство и правоприменительная практика развитых демократических стран неуклонно следуют по пути фактического исключения политиков из-под защиты законов о диффамации, что обусловлено сложившейся общественно-политической культурой и повышенной ролью свободы слова в отношении общественно значимых вопросов, к которым относятся сведения о жизни и деятельности политиков, а также свобода прессы.

Подобный подход получил широкое распространение в странах англосаксонской правовой системы. Так, в Австралии по делу Лонги против Австралийской вещательной компании в 1997 г. судом был сформулирован принцип, согласно которому в вопросах правительственного и политического характера действуют исключения из общего подхода к ответственности за диффамацию². В частности, применение к политикам и должностным лицам мер ответственности за распространение порочащей информации возможно лишь в том случае, когда в суде будет доказан злой умысел распространителя, включая доказывание того, что это лицо заранее знало о несоответствии этой информации действительности и не предпринимало попыток ее верифицировать. Подобный подход к политической диффамации в итоге нашел свое отражение в Акте о диффамации 2006 г.³

¹ См.: Mugrabi, Sunshine YouTube – Censored? Offending Paula Abdul clips are abruptly taken down // Red Herring. 2007. January 22. P. 6–7; Beware the Streisand effect, K VAIDYA NATHAN // The financial express. 2010. December 17. P. 3.

² См.: Freedom of speech and defamation: Lange v Australian Broadcasting Corporation // Australian Government Solicitor. 1997. 4 December. P. 4.

³ См.: URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2009/act/31> (дата обращения: 15.10.2018).

Аналогичным образом в 2001 г. в Великобритании палата лордов в деле Рейнолдс против газеты «Таймс», основываясь на необходимости защиты свободы прессы, признала, что в вопросах, составляющих общественный интерес, соответствующие высказывания не могут быть основанием для ответственности, даже если в иных случаях они могли бы стать основанием для судебного иска, при условии их соответствия принципам разумности и сбалансированности¹.

Особого внимания заслуживает подход к политической диффамации, сформировавшийся в США, где традиционно защищалась свобода слова по любым вопросам общественных интересов и исключалась ответственность за любые личные суждения, в том числе практически по всем политическим вопросам. Более того, в деле «Нью-Йорк Таймс» против Салливана, рассмотрение которого дошло в 1964 г. до Верховного суда США, судьи единогласно постановили, что официальные лица не могут требовать возмещения ущерба, причиненного ложными или дискредитирующими утверждениями, кроме тех случаев, когда они могут доказать нарочитый умысел или грубую небрежность распространителя. Верховный суд США сформулировал понятие «злой умысел, установленный по фактическим обстоятельствам дела», при этом в делах, где затрагиваются интересы публичных фигур, именно на них лежит бремя доказывания наличия такого умысла. В результате, согласно единому мнению экспертов, после этого судебного решения в США стало практически невозможно для чиновника или политика выиграть в суде дело о клевете.

Подобный подход подтвердился и в 1982 г. в деле Уэстморленд против Си-би-эс, когда отставной генерал Уэстморленд, бывший главнокомандующий войсками США во Вьетнаме, безуспешно пытался предъявить в суде иск к телекомпания Си-би-эс с требованием выплатить ему 120 млн долларов в качестве морального ущерба за клевету.

Вместе с тем одним из редких исключений в том, что касается подхода к политической диффамации, остается Канада, где продолжает действовать более жесткий подход к ответственности за диффамацию вообще и в отношении публичных персон в частности. В связи с этим Канада стала объектом жесткой критики со стороны экспертов, журналистов и юристов.

Данная ситуация породила феномен, получивший названия «*foget shopping*» и «*libel tourism*» (туризм с целью проведения дел о клевете), заключающийся в том, что истцы из США и других стран искали различные правовые основания для обращения с исками о клевете именно в канадские суды, где их с высокой долей вероятности ожидало положительное решение². Однако в США подобная практика была пресечена в 2010 г., с принятием акта, объявившего недействительными для США все решения иностранных судов по делам о клевете³. В последнее время и в Канаде стали формироваться прецеденты отказа в удовлетворении исков о диффамации применительно к политическим вопросам. Так, в 2006 г. в деле Халтон Хиллс против Коурак суд постановил, что «демократическая природа власти исключает

¹ См.: URL: <http://law.jrank.org/Pages/17029/qualified-privilege.html> (дата обращения: 15.10.2018).

² См.: *Libel Tourism Chills Investigative Journalism* // Wayback Machine. 2010. № 24. P. 3–4.

³ См.: *Meisel A. Congress Unites to Pass Bill Protecting American Authors and Publishers (2010–08-03)* // *The Cutting Edge*. Retrieved 11.08.2010. P. 12–13.

для нее возможность отвечать на критику судебными исками о диффамации, поскольку судебный процесс — это форма силы, и власть не должна усмирять ее критиков силой»¹.

Отдельно следует остановиться на установившейся прецедентной практике Европейского суда по правам человека, в соответствии с которой свобода выражения мнения составляет одну из основ демократического общества и одно из главных условий для его прогресса.

С учетом положений п. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод свобода выражения мнения распространяется не только на информацию или идеи, которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но и на идеи оскорбляющие, шокирующие или причиняющие беспокойство². Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно демократическое общество³.

Пресса выполняет важнейшую функцию в демократическом обществе, однако она не должна выходить за определенные рамки, в том числе в отношении репутации и прав иных лиц и необходимости предотвращения раскрытия конфиденциальной информации. Ее обязанностью является распространение информации способом, совместимым с ее обязанностями и ответственностью, т. е. информации и идей по всем вопросам всеобщего интереса. Более того, в судебном решении подчеркивается, что свобода слова применяется не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или не достойные внимания, но и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают беспокойство у государства или части населения. Кроме того, журналистская свобода предполагает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации. В то время как пресса не должна преступать пределов, установленных интересами защиты репутации частных лиц, на ней лежит обязанность распространять информацию и идеи, вызывающие общественный интерес. Но задачей распространения такой информации и идей дело не ограничивается: общественность также имеет право на их получение. Следовательно, чтобы определить, достаточно ли оснований для необходимого вмешательства, должен учитываться аспект заинтересованности общественности в этом деле⁴.

В отношении государственных служащих Европейский суд в своих решениях указал, что государственные служащие, находящиеся при исполнении обязанностей, подпадают под более широкие пределы допустимой критики, чем частные лица. Однако будет неправильным полагать, что государственные

¹ *Henning A. C., Vivian S. Chu.* «Libel Tourism» Background and Legal Issues. Washington, D. C.: Congressional Research Service, Library of Congress, 2009. P. 45–47.

² См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3. С. 34–36.

³ См.: Постановление Европейского суда от 07.12.1976 по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства», Постановление Европейского суда от 23.09.1994 по делу «Ерсильд против Дании». URL: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Jersild_v_Denmark_23_09_1994.pdf (дата обращения: 15.10.2018).

⁴ См.: Постановление Европейского суда от 24.02.1997 по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии», Постановление Большой палаты по делу «Бладет Тромсе и Стенсос против Норвегии». URL: <http://textarchive.ru/c-2878439-p4.html> (дата обращения: 15.10.2018).

служащие осознанно выставляют свои слова и действия под пристальный контроль, как это делают политики, и, следовательно, они не могут оцениваться, когда речь идет о критике их поведения¹.

Европейский суд по правам человека полагает, что политик, действующий в публичном качестве, неизбежно и осознанно открывает свои высказывания и деятельность для пристального контроля со стороны как журналистов, так и общества в целом. Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию даже вне рамок частной жизни, но требованиям такой защиты должны быть противопоставлены интересы свободного обсуждения политических вопросов с учетом ограничений свободы слова, которые должны иметь ограниченную интерпретацию². К тому же «необходимость» какого-либо ограничения в реализации права свободы слова должна быть убедительно доказана. Конечно, национальным властям надлежит, прежде всего, оценивать, существует ли настоятельная общественная потребность, способная оправдать это ограничение, но уже сама такая оценка имеет некоторый разброс критериев. Когда дело касается прессы, национальные власти при такой оценке сталкиваются с интересами демократического общества, желающего обеспечить и сохранить свободу печати. Обосновывая свою позицию, Суд указывает на то, что следует придать больший вес этому интересу, поскольку речь идет о том, чтобы определить (как этого требует § 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), насколько ограничение соразмерно законно преследуемой цели.

В заключение отметим, что практика развитых зарубежных стран в вопросах защиты чести, достоинства и деловой репутации публичных лиц идет по пути значительно больших допустимых пределов их критики и распространения негативной информации о них, чем в отношении обычных граждан. Подобное положение продиктовано фундаментальным значением свободы слова и свободы прессы, а также доминированием вопросов, представляющих публичный интерес, над вопросами частной жизни политиков и должностных лиц. Вместе с тем умышленное распространение заведомо ложной информации о публичных лицах и вторжение в их частную жизнь и жизнь членов их семей сверх меры разумности и обоснованности может являться основанием для юридической ответственности лиц, допустивших соответствующие нарушения.

Пристайный библиографический список

1. Freedom of speech and defamation: Lange v Australian Broadcasting Corporation // Australian Government Solicitor. — 1997. — 4 December. — P. 4–7.
2. Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights. Strasbourg, Council of Europe, 2018. — 105 p.
3. Libel Tourism Chills Investigative Journalism // Wayback Machine. — 2010. — № 24. — P. 3–6.

¹ См.: Постановление Европейского суда по делу «Тома против Люксембурга». URL: http://mmdc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejsko_j_konvencii/europ_practice52 (дата обращения: 15.10.2018).

² См.: Постановление Европейского суда от 25.06.2002 по делу «Колумбани и другие против Франции». URL: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Colombani_and_Others_v_France_25_06_2002.pdf (дата обращения: 15.10.2018).

4. Meisel, A. Congress Unites to Pass Bill Protecting American Authors and Publishers (2010-08-03) // The Cutting Edge. Retrieved 2010-08-11. P. 12–17.

5. Human Rights in the World Community: Issues and Action / eds. Richard P. Claude, Burns H. Weston. Philadelphia, Pennsylvania : University of Pennsylvania Press, 2006. — P. 18–27.